

РОЛЬ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА ПРИ СТАНОВЛЕНИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА НОВОГО ТИПА

Алеш Бранднер

(Aleš Brandner, Filozofická fakulta Masarykovy univerzity, brandner@phil.muni.cz)

Возникновение и развитие книжной традиции у восточных славян связано с христианизацией Руси как важнейшим культурным и политическим событием в ее ранней истории. Основной вехой здесь может считаться крещение Руси в 988 г., которому предшествовало крещение князя Владимира. С принятием христианства в качестве государственной религии церковнославянский язык получил статус языка официального культа, что и создало предпосылки для его функционирования в качестве литературного языка восточных славян. С крещением Руси связана целенаправленная деятельность по введению церковнославянского языка как языка христианской культуры (ср. Мещерский 1981: 21–27).

Христианство проникло к восточным славянам из Византии, в результате чего восточные славяне пользуются на письме азбукой, которая развилась из кириллицы, бывшего славянского алфавита, созданного на основе греческого маюскульного письма учениками Мефодия, которые были выгнаны из Великой Моравии в Болгарию. Кириллицей были написаны первые и последующие старославянские литургические тексты, которыми пользовались византийские миссионеры при распространении христианской религии. При их переписывании на восточнославянской территории проникли в тексты многочисленные русизмы. Поэтому с конца XI в. язык этих текстов принято называть церковнославянским языком русской редакции. Этот язык там функционировал до начала XVIII в. как язык богослужебный, так и язык книжный, письменный (ср. Виноградов 1958: 5; Улуханов 1972: 22). Рядом с церковнославянским языком русской редакции там сосуществовал домашний русский язык, который представлял прежде всего живой разговорный язык (ср. Ларин 1975: 24–218). Московский русист Б.А. Успенский (1988: 25–26) подчеркивает, что вплоть до XVII в. оба языка функционировали на одной территории по модели диглоссии, т.е. функции обоих языков находились в строгом дополнительном распределении: церковнославянский язык был связан с письменной традицией, бытование русского было связано по преимуществу со сферой повседневного общения. Церковнославянский язык не употреблялся в качестве разговорного, церковнославянскому языку только обучали, и только с ним связана нормализаторская и кодификаторская деятельность в средневековой Руси. Так как не существует никаких переводов

с церковнославянского на русский и с русского на церковнославянский или вообще каких-либо параллельных текстов на этих языках с одним и тем же содержанием, можно утверждать, что оба языка находились в Древней Руси не в отношении двуязычия, а в отношении диглоссии. На основании этого определяется кардинальное значение понятия языковой ситуации для периодизации истории русского литературного языка. Б.А. Успенский выделяет три основных периода: 1) период диглоссии (с XI по XVII в.), 2) переходный период церковнославянского-русского двуязычия и становления языка нового типа (со второй половины XVII в. по начало XIX в.), 3) стабилизация нового русского литературного языка (с начала XIX в. по настоящее время). Период диглоссии он подразделяет на три этапа, связанных с тремя последовательными культурными влияниями, условно обозначая их как «южнославянские».

Первое южнославянское влияние представляет собой период, связанный с принятием христианства на Руси и с возникновением письменности. Христианство стало государственной религией и церковнославянский язык стал выполнять функцию литургического и письменного языка. В распоряжении имелись богослужебные книги южнославянского происхождения, поэтому можно говорить о первом южнославянском влиянии. Церковнославянский язык служил как средство византизации русской культуры и как общий литературный язык всего православного славянства. Освоение южнославянской книжной традиции было обусловлено не культурной или церковно-политической ориентацией на Болгарию, а скорее миссией южных славян быть посредниками греческого культурного влияния: ориентация была греческая, письменность была болгарская. Предпосылки были созданы общим заселением Балкан греками и южными славянами. Ориентация на южных славян как посредников греческого культурного влияния была временно обусловлена. В XII в. больше не влияли на русские рукописи южнославянские образцы, сформировался русский извод церковнославянского языка, который усвоил целый ряд черт восточнославянского происхождения, иными словами: он подвергся русификации. Специфические южнославянские элементы в раньше написанных рукописях постепенно исправлялись. Произошел подъем домашней письменности: с одной стороны, переписывались книги, с другой стороны, возникала переводческая литература. Важную роль при формировании книжного, письменного языка сыграли переводы с греческого языка. Его знание было в Киевской Руси распространено. На определенном уровне образования предполагался церковнославянско-греческий билингвизм, который тогда находился в соответствии с церковнославянско-русской диглоссией: церковнославянский и греческий языки объединились как культурные языки в противовес не книжному русскому языку. В это время еще не было специальной грамматики, которая бы описывала грамматическую систему церковнославянского языка. Так как его

грамматический строй совпадал с грамматическим составом греческого языка, могла при грамматическом описании церковнославянского языка послужить грамматика греческого языка.

Второе южнославянское влияние обозначает этап развития языка с конца XIV в. и особенно в течение XV в. Данный этап представляет эпоху большого расцвета церковнославянского языка. В значительной мере речь идет о культурно-историческом явлении, которое скорее опосредствованно отразилось в языке (ср. Trösterová 1994: 36–42). Подобно как при первом южнославянском влиянии дело касалось влияния южнославянской книжной традиции на книжную традицию русскую. В ходе XIV в. Россия удерживала контакты с южнославянскими культурными центрами, особенно с монастырями. Почти все выдающиеся деятели письменности побывали или на Афоне, или в Охриде, или в Тырнове или в Ресаве. Там они имели возможность познакомиться с оригинальной южнославянской литературой и литературой, переведенной на южнославянский извод церковнославянского языка, переписывали книги. В этих центрах проводились также корректуры ошибок в рукописях, возникших на Руси. Все русские монастыри и московский митрополит тратили значительные финансовые суммы для покупки книг в южнославянских монастырях.

В церковнославянском языке русского извода произошли некоторые изменения в связи с политическими переменами на Балканах. Следствием агрессии Турции на Балканском полуострове была оккупация Сербии и Болгарии турками. Б.А. Успенский полагает, что этот период прикрыт целым рядом недоказанных предположений и недостоверных утверждений. Первым таким мифом, который возник в связи со вторым южнославянским влиянием, является тезис о массовой иммиграции южных славян в Россию после нападения турков на Балканский полуостров. По его словам, нет никаких исторических доказательств, которые бы это утверждение подтвердили. По некоторым данным он предполагает, что это было всего несколько отдельных лиц, особенно образованных людей из области письменности и богословия. К ним можно отнести прежде всего двух болгар – митрополита Киприана и митрополита Григория Цамблака; кроме того, в середине XV в. на Руси подвизался серб Пахомий Логофет, афонский инок, агиограф, который переработал целый ряд уже существующих житий святых и составил ряд новых. Из этих трех фигур, лишь первые две могли иметь отношение к началу второго южнославянского влияния. Особенно о болгарском митрополите Киприане можно сказать, что он был главой правки церковных книг, возникших на русской территории. То, что казалось быть естественным явлением, т.е. проникание русских языковых элементов в богослужебные тексты, ему это явилось как недопустимые ошибки, которые портят уровень священных книг. Литература этого уклона содействовала культивированию

языка и обогащала его новыми средствами выражения. Значит, второе южнославянское влияние имело исключительно широкий характер: оно отражалось во всем, что связано с книжной и – шире – с церковной культурой.

Другим мифом, связанным со вторым южнославянским влиянием, является констатация, что его продолжением было переписывание и правка богослужебных книг (ср. Bartoszewicz 1979: 84–86; Mrázek–Popova 1982: 118–120). Б.А Успенский (1988: 220) уверен, что значение второго южнославянского влияния заключается именно в начале последовательной книжной sprawy на Руси. В этом смысле второе южнославянское влияние связано с позднейшими реформами патриарха Никона и его последователей в процессе третьего южнославянского влияния. Причиной явилось стремление русских книжников обновить письменность, очистить литературный язык от всего, что могло бы восприниматься как его порча. Основная роль в этом процессе принадлежала, таким образом, не южнославянским учителям, а самим русским книжникам. Южнославянский извод церковнославянского языка послужил той моделью, на которую ориентировались русские книжники, однако специфические орфографические, грамматические и лексические признаки, относящиеся к той или иной локальной редакции, более или менее тщательно устранялись в русских переписях. Южные славяне имели постоянно живые контакты с греками, они переводили тексты с греческого языка на церковнославянский. Таким образом, посредством южнославянской книжной традиции осуществилась архаизация языка. Поскольку церковнославянский язык пришел на Русь от южных славян, специфические южнославянские черты рассматривались на Руси как архаические. Второе южнославянское влияние было непосредственно связано с византизацией церковнославянского языка и церковной культуры. С функциональной точки зрения церковнославянский язык представлял собой в данный период язык интернациональный, поэтому возникали стремления устранить его локальные варианты. Основой второго южнославянского влияния были пурификаторские и реставрационные тенденции: на переднем плане выступали стремления очистить церковнославянский язык от разговорных элементов, которые в нем появились как результат его постепенной русификации. Словарный состав обогатился многочисленными грецизмами, подобно фразеология и построение предложения. Иными словами: перед вторым южнославянским влиянием можно говорить о взаимовлиянии церковнославянского и русского языков. Церковнославянский язык как язык книжный подвергался влиянию русского языка (т.е. живого разговорного языка). В интересах сознательного отстранения от разговорного языка после второго южнославянского влияния заимствования из русского языка не допускались. Это явление могло бы свидетельствовать о том, что изменилось отношение между обоими языками: возникали предпосылки для перехода от диглоссии к билингвизму.

Церковнославянский и русский языки, пока они находились в условиях диглоссии, они более или менее усматривались как два варианта одного языка.

Второе южнославянское влияние наступило во время, когда внутренние отношения Московской Руси были такими, что Россия была в состоянии его принять в вышеуказанной форме. В общем можно сказать, что это был период, который запечатлел в церковнославянском языке русской редакции характерную черту и явился одной из последних вершин своего расцвета на русской почве.

Второе южнославянское влияние создало предпосылки для разложения церковнославянско-русской диглоссии и вызвало переход к церковнославянско-русскому билингвизму. Это произошло сначала в области т.н. Юго-Западной Руси (приблизительно на территории современной Украины и Белоруссии). В Московской Руси сохранилась пока диглоссия. Там, наоборот, можно наблюдать в XVI в. тенденции к культурной изолированности (ср. Brandner 1999). Если обратить внимание на общее политическое состояние в тогдашней юго-восточной Европе и на внутреннее положение России, можно понять, почему Москва поддерживала развитие образованности литературной элиты, которой не была чужда ни культурная, ни философская проблематика, свойственная тогда всему восточному христианству.

Взятие Царьграда турками в 1453 г. означало падение Византийской империи. Возникла идея Москвы «как третьего Рима». В Византии победил ислам над православием, в России, наоборот, после победы над татарами победило православие над исламом. Христианство на Востоке, таким образом, потеряло естественный, веками действующий центр. В падении Царьграда русские усматривали божье наказание, отказались от подчинения царьградскому патриарху и образовали самостоятельную автокефальную церковь. В интересах Москвы было стать новым центром, действовать в глазах восточных христиан как наследник античной образованности в исторической последовательности Рим – Царьград – Москва. Московская Русь, таким образом, стала центром православного мира, Москву начали понимать как новый Царьград или же третий Рим. Так как соблюдалась традиция, что в православном мире правил единый император, после падения Царьграда им стал московский князь, которого впоследствии стали называть царем. Процесс церковной самостоятельности был завершен в 1589 г. учреждением патриаршества в Москве. Московская Русь приобрела ту же самую политическую структуру, какая существовала в Византии. Византия как бы передвинулась за пределы Московской Руси. Возникшая ситуация подчеркивала ее религиозную и политическую самостоятельность, но одновременно приводила к культурному изоляционизму.

Начиная с XVI в. в Московской Руси церковнославянский язык вернулся к своему прежнему состоянию; русский извод здесь считался древним

и более правильным. Исконно единая норма церковнославянского языка русской редакции распалась на два варианта – церковнославянский язык Московской Руси и церковнославянский язык Юго-Западной Руси.

После второго южнославянского влияния в Московской Руси существовала диглоссия, между тем как в Юго-Западной Руси появился церковнославяно-русский билингвизм. Это означает, что в Московской Руси был только один книжный язык (т.е. церковнославянский язык русского извода), в Юго-Западной Руси существовали два книжных языка: рядом с церковнославянским языком юго-западного варианта это был т.н. простой язык или же «проста (руска) мова», который не соблюдал последовательно стилистические и грамматические нормы. Он возник на основании живого, разговорного языка и занимал промежуточное звено между высоким книжным стилем и разговорным языком. В его основу лег канцелярский язык, который, однако, постепенно терял свою функцию. Возникшая ситуация считается решительной причиной, приведшей к нарушению диглоссии (ср. Успенский 1994: 54–60). Т.н. «проста мова» не имела никакой связи с современным украинским и белорусским языками. В XVIII–XIX вв. она засвидетельствована в униатских монастырях. Церковнославяно-русский билингвизм в Юго-Западной Руси подражал латинско-польскому билингвизму в Польше. Церковнославянский язык в Юго-Западной Руси, подобно как и латынь на польской территории, стал языком ученого сословия. Будучи языком образованных людей, им можно было пользоваться также в качестве средства коммуникации.

Существование т.н. «простой мовы» подтверждает ситуацию билингвизма. «Проста мова» занимала не только равное положение с церковнославянским языком, она его одновременно оттесняла из области литературы, не раз она проникла также в богослужение. Церковнославянский язык был вытеснен из его до сих пор существовавшей сферы, в силу того в течение XVI–XVII вв. приходили в упадок его знания. Значит, билингвизм приводил к ограниченной сфере его употребления.

«Проста мова» не имела почти никакого воздействия на формирование современного украинского или белорусского языка. Однако она оказала существенное влияние на развитие русского литературного языка. Эта тенденция находится в связи с третьим южнославянским влиянием, т.е. с влиянием книжной традиции Юго-Западной Руси на книжную традицию Московской Руси в XVII в. Это только термин в известной мере условный, поскольку понятие «южнославянское влияние» обозначает южных славян в географическом понимании этого слова, а не в этническом. Если первое и второе южнославянское влияние означало влияние со стороны балканских славян, в данном случае дело касалось влияния из области Юго-Западной Руси. Во всех трех случаях должна была осуществиться одинаковая мысль: соз-

дать единый литературный язык православных славян с ориентацией на греческую культуру. В данном контексте можно говорить о новой волне эллинизации русской письменности.

Третье южнославянское влияние проявилось прежде всего в книжных реформах патриарха Никона. Они произошли в середине XVII в. и опять были связаны с правкой книг. Никоновские реформы сблизили церковнославянский язык русской (т.е. московской) редакции с редакцией Юго-Западной Руси (т.е. киевской) и общество разделили на старообрядцев и новообрядцев. Начало раскола относится к 1653 г. Первая книга, которая была издана в согласии с этими реформами, была *Псалтырь*, выпущенная в указанном году. После того следовала правка всех основных богослужебных книг. У старообрядцев сохранилась старая традиция церковнославянского языка русской (московской) редакции. Книжная традиция Московской Руси влияла, однако, на юго-западную (киевскую). Сформировалась единая норма церковнославянского языка и, таким образом, исчезла специфическая редакция Юго-Западной Руси. Этому содействовал факт, что в 1686 г. киевская митрополия (учреждение киевского митрополита) перешла под юрисдикцию московского патриарха (до того времени киевский митрополит принадлежал к константинопольскому патриарху). После создания единой русской редакции церковнославянского языка сохранились старые языковые традиции в церковных общинах, которые указанные изменения не приняли: церковнославянская традиция Московской Руси сохранилась у старообрядцев, традиция Юго-Западной Руси (киевская) – у униатов.

Если второе южнославянское влияние прошло в знак эллинизации и архаизации, то после третьего южнославянского влияния эти стремления разделились: сторонники никоновских реформ – новообрядцы – были защитниками эллинизации, между тем как старообрядцы выступали как приверженцы архаизации языка. Для третьего южнославянского влияния была характерна массовая иммиграция носителей книжной культуры из Юго-Западной Руси в Москву. Это явление находилось в тесной связи с присоединением Украины к Московскому государству в 1654 г.

В течение третьего южнославянского влияния языковая ситуация Юго-Западной Руси перенеслась в Московскую Русь. Это означает, что в течение XVII в. (когда проводились реформы патриарха Никона) там перестала существовать диглоссия. Появился также новый вариант письменного языка, основа которого лежала в разговорной речи. Как было выше сказано, формальные особенности церковнославянского языка Юго-Западной (киевской) редакции были перенесены в церковнославянский язык Московской Руси. Таким образом, возник единый вариант церковнославянского языка русской редакции.

Разложение диглоссии проходило в Московской Руси по-другому, чем на юго-западе. В Юго-Западной Руси этот процесс начался с того, что появилась «проста мова», которая конкурировала с церковнославянским языком и вытеснила его из его бывших функций; в Московской Руси начал проявляться билингвизм таким образом, что функции церковнославянского языка, наоборот, распространились: в дальнейшем он действовал как язык культуры, так и язык образованных людей (подобно как в Юго-Западной Руси), мог функционировать также как средство коммуникации. С конца XVII в. на русской территории начинают появляться произведения, написанные на «простом» языке. В XVIII в. такие произведения уже не представляли собой единичного явления (ср. Brandner 1992).

Характерной чертой церковнославяно-русского билингвизма являлась возможность перевода сакрального текста на другой общепонятный язык. Второй чертой разложения диглоссии оказалось появление пародий, написанных на церковнославянском языке. Билингвизм, в отличие от диглоссии, был нестабильной ситуацией. Оба языка конкурировали друг с другом, их функции не были разделены: русский язык, оттеснив церковнославянский язык на периферию языкового сознания, овладел правом на функцию литературного языка. Церковнославянский язык начали понимать как тормоз литературного и культурного развития; но все-таки, имея в виду его многовековую традицию и неоспоримые заслуги, он долго занимал видное место. М.В. Ломоносов считал его главным признаком высокого стиля (в его теории трех стилей, в согласии с которой разным жанрам должно было соответствовать их языковое и стилистическое оформление). Еще А.Н. Радищев в своем *Путешествии из Петербурга в Москву* употреблял сознательно церковнославянский язык в тех частях, в которых он хотел подчеркнуть важность проблемы, торжественность, общечеловеческий характер философской проблематики, которой данное произведение касается. Лингвистами указывается, что данное произведение является последним в русской светской литературе, которое написано на церковнославянском языке. Церковнославянскому языку была, наконец, оставлена функция литургического языка (ср. Plähn 1978: 16–27). Следствием развития данной ситуации было формирование русского литературного языка нового типа, языка, ориентированного на язык разговорный, однако до известной степени созданного также на церковнославянской основе: церковнославянский язык преобразовался по тем признакам, которые противопоставляли книжный и некнижный язык в языковом сознании того времени (ср. Успенский 1988: 394).

В XVIII в. изменилась языковая ситуация: укрепился русский литературный язык нового типа, который, с одной стороны, находился в противопоставлении с церковнославянским языком, с другой стороны, он принял

на себя его функции. Окончательно период билингвизма закончился только в первой половине XIX в., когда по заслуге А.С. Пушкина был новорусский литературный язык кодифицирован.

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов, В.В. 1958, *Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского языка*. Москва: АН СССР.
- Ларин, Б.А. 1975, *Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII века)*. Москва: Высшая школа.
- Мещерский, Н.А. 1981, *История русского литературного языка*. Ленинград: Изд-во Ленинградского университета.
- Улуханов, И.С. 1972, *О языке Древней Руси*. Москва: Наука.
- Успенский, Б.А. 1988, *История русского литературного языка (X–XVII вв.)*. Budapest: Tankönyvkiadó.
- Успенский, Б.А. 1994, *Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.)*. Москва: Гнозис.
- Bartoszewicz, A. 1979, *История русского литературного языка*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Brandner, A. 1992, *Tri jihoslovanské vlivy v historickém vývoji spisovné ruštiny*. *Opera Slavica* 2, № 2, 15–18.
- Brandner, A. 1999, *Odras II. jihoslovanského vlivu v kulturněhistorickém vývoji Moskevské Rusi*. In: *Příspěvky ke slovanské filologii*. Brno: Ústav slavistiky Filozofické fakulty Masarykovy univerzity, 26–29.
- Mrázek, R. – Popova, G. V. 1982, *Historický vývoj ruštiny*. Praha: Státní pedagogické nakladatelství.
- Plähn, J. 1978, *Der Gebrauch des modernen russischen Kirchenslavisch in der russischen Kirche. Mit zahlreichen Notenbeispielen und kirchenslavischen Texten*. Hamburg: Helmut Busche Verlag.
- Trösterová, Z. 1994, *Církevní slovanština jako spisovný jazyk areálu Slavica Orthodoxa – centra církevněslovanské kultury v průběhu staletí*. Ústí nad Labem: Univerzita J. Ev. Purkyně.